

Слова благодарности

Эта книга была целиком написана в Англии, в Оксфорде, где я был профессором американской литературы до моего перевода в Сиднейский университет в январе 2010 года. Проект начался с серии лекций на тему «Детерриторизация американской литературы», которые я читал в 2004 году в Восточном институте (Неаполь), а затем в Йельском университете, Манчестерском университете, на съезде MLA в Филадельфии, в 2005 году — в Кембриджском университете, а также на конференции «Европейские перспективы в американистике», проходившей в Институте Джона Ф. Кеннеди Свободного университета Берлина. Это выступление, в переработанном виде ставшее первой главой этой книги, было опубликовано в более ранней версии в книге «Shades of the Planet: American Literature as World Literature» под редакцией Лоуренса Бьюэлла и Вай Чи Димок (Princeton University Press, 2007), а позже в том же году в журнале «Acoma: Rivista Internazionale di Studi Nordamericani» появился его великолепный итальянский перевод Чинции Скьявини «La deterritorializzazione della letteratura e culture degli Stati Uniti». По любезному предложению Лоуренса Бьюэлла версия главы 1 — «Американская литература августианского периода: эстетика экстравагантности» была представлена в августе 2007 года на конференции Международной ассоциации университетских профессоров английского языка (IAUPE) в Лунде (Швеция). Впоследствии она была опубликована в материалах конференции IAUPE под редакцией Марианны Тормален (Lund University Press, 2008). Ранняя, сокращенная версия главы 2 — «Средневековая американская литература: довоенные нарративы и “карта бесконечности”» — опубли-

ликована в журнале «REAL. Yearbook of Research in English and American Literature» (Vol. 23: Transnational American Studies. Gunter Narr Verlag Tubingen, 2007) под редакцией Уинфреда Флука, Штефана Брандта и Ингрид Талер. Другие варианты этой второй главы я представил также в виде пленарных лекций на конференции обществ Эмерсона, По и Готорна, состоявшейся в Оксфорде в июне 2006 года, и на конференции аспирантов «Новые перспективы Америки XIX века», проходившей в Ноттингемском университете в октябре 2008 года. Самая ранняя часть главы 2, посвященная теме духа Средневековья в «Пьере» Мелвилла, также была представлена на съезде MLA в Сан-Диего в 2003 году.

Что касается более поздних частей этой книги, то сокращенная версия главы 4 была опубликована под названием «Сентиментальный постгуманизм: Дэвид Фостер Уоллес» в «Twentieth-Century Literature 53» (2007. Vol. 53. Iss. 3). Небольшой отрывок из главы 5 появился под названием «Параллельные миры Хосе Марти» в «Radical History Review» (2004. Vol. 89), а предложение Роберта С. Левина и Кэролайн Левандер написать послесловие к прекрасному спецвыпуску под их редакцией о западнополушарных подходах к изучению американской литературы — American Literary History (2006. Vol. 18. Iss 3) — помогло придать более четкую форму моим мыслям, изложенным в этой главе. Раздел главы 5, посвященный Зоре Нил Херстон, был впервые представлен в ходе выступления на коллоквиуме «Трансатлантические переклички: Юг в Европе — Европа на американском Юге», состоявшемся в Вене в сентябре 2006 года. Эта речь впоследствии была опубликована под названием «Западнополушарный параллакс: Зора Нил Херстон и триангуляция расы» в материалах конференции под редакцией Вальдемара Захарасевича и Ричарда Грея (Австрийская академия наук — Британская академия, 2007). Часть главы 6, посвященная Тихоокеанскому Северо-Западу, прозвучала в виде доклада на семинаре американских исследований в Университете Глазго в ноябре 2008 года. Вариации заключительной главы этой книги были представлены в различных формах в виде пленарных лекций на съезде Итальянской

ассоциации американских исследований в Мачерате в октябре 2007 года, на встрече Норвежской ассоциации американских исследований и Скандинавской ассоциации канадских исследований в Бергене в октябре 2008 года, а также на конференции MELUS-Индия, состоявшейся в Шанти-Никетане (Западная Бенгалия) в ноябре 2008 года. Итальянская и индийская ассоциации впоследствии опубликовали различные варианты этого выступления в сборниках материалов конференции.

Выражаю отдельную благодарность Нэнси Крэмpton, которая любезно разрешила нам воспроизвести ее фотографический портрет Филипа Рота; Урсуле К. Ле Гуин за разрешение использовать карту из ее книги «Всегда возвращаясь домой»; а также Розмари Черминаро из нью-йоркского издательства «Simon and Schuster», чья помощь в получении разрешений на использование других иллюстраций, защищенных авторскими правами, была неоценима. Другие, более личные одолжения не так легко перечислить. Многие ранее замечали, что по мере того, как академические авторы продвигаются по карьерной лестнице, их благодарственные предисловия, как правило, становятся все короче — не потому, что сокращается количество людей, которых необходимо поблагодарить, а потому что сети поддержки и признательности все сильнее перепутываются и в них становится все труднее разобраться. Я, безусловно, извлек для себя немалую пользу из ресурсов Американского института Ротермера (RAI) Оксфордского университета, директором которого был в период с 2003 по 2008 год, — это не только великолепная библиотека, но и собрание блестящих представителей мира науки и общественно-политической сферы, готовых участвовать в дискуссиях о месте Соединенных Штатов в современном мире. (Мое упоминание во введении «высокопоставленного дипломатического деятеля из посольства США в Лондоне» относится к речи, произнесенной в соответствии с правилами Королевского института международных отношений в RAI.) Я также был президентом Международной ассоциации американских исследований (IASA) в период с 2005 по 2007 год, и в моей работе мне помогли — скорее косвенно, на уровне подсознания — те неудоб-

ные вопросы об американских отношениях с разными странами, которые звучали на конгрессах IASA в Оттаве в 2005-м, в Лиссабоне в 2007-м и в Пекине в 2009 году. Одной из характеристик академической жизни с начала развития интернета в середине 1990-х годов стала возможность обмениваться идеями с коллегами в гораздо более широком географическом диапазоне и с гораздо большей легкостью и частотой, чем ранее, благодаря чему образовался ценный ресурс в виде виртуального научного сообщества. Это имело решающее значение не только для хода моей работы с тех пор, как я вернулся в Великобританию из Соединенных Штатов в 1994 году, но также, по моему мнению, и для развития этой области в целом за последние пятнадцать лет. В широком международном спектре моей работе во многих отношениях помогали дискуссии с собеседниками, находившимися в самых разных местах. В Австралии это был Ян Тиррелл; в Германии — Джорджиана Банита, Винфрид Флак и Хайнц Икштадт; в Индии — Манджу Джайдка; в Ирландии — Лиам Кеннеди; в Израиле — Шира Волоски; в Италии — Марина Камбони, Кристина Джорчелли, Джорджио Мариани и Рената Моррези; в Японии — Шейла Хоунс, Джулия Лейда, Тацуши Нарита и Такаюки Тацуми; в Соединенном Королевстве — Сьюзан Кастильо, Дик Эллис, Ричард Грей, Сьюзен Мэннинг, Майкл О’Брайен и Стивен Шапиро; наконец, в США — Рэйчел Адамс, Джонатан Арак, Билл Болхауэр, Ларри Бьюэлл, Жаклин Вот Броган, Вай Чи Димок, Джейн Десмонд, покойный Эмори Эллиотт, Сандра М. Густафсон, Эндрю Хоберек, Гордон Хатнер, Джелал Кадир, Боб Левин, Джоэл Пфистер, Ларри Дж. Рейнольдс, Сандья Шукла, Лен Тенненхаус и Вернер Соллорс, а также Ханна Винарски из «Princeton University Press». Одним из читателей этой рукописи в Принстоне был Дон Пиз, и я должен выразить ему особую признательность за многочисленные проявления научной щедрости на протяжении вот уже более двух десятилетий.

Оксфорд,
ноябрь 2009 года

Введение

Детерриторизация американской литературы

Тема этой книги — отношения между американской литературой и мировым пространством, а также их изменения и развития с течением времени. Интерес для меня будет представлять не только художественная проза и поэтические произведения, эксплицитно организованные вокруг тех или иных концепций пространства, но также и то, каким образом широкий спектр текстов образует дугу, имплицитно выражаясь в других видах географической проекции, таких как картография и другие способы топографического отображения. Мой тезис заключается в том, что взаимосвязь между американской литературой и географией нельзя считать естественно обусловленной, что она включает в себя спорную территорию и что эта территория за последние четыре столетия пережила множество трансформаций и конфликтов. Я утверждаю, что эта нестабильность слишком часто упускалась из виду при систематизации и институционализации предмета американской литературы, особенно в последние сто лет. Культурный географ Дэвид Харви писал, что желательно было бы реконструировать матрицу «историко-географического материализма», в рамках которой анализируются все виды общественных формаций [Harvey 1989: 359], и новый взгляд на американскую литературу в контексте географического материализма состоит в том, чтобы осмыслить разнообразные формы ее воображаемых отношений с реальными измерениями физического пространства. В то же время я полагаю, что ассоциация Америки и в более широком смысле — предмета американской

литературы с нынешними географическими границами Соединенных Штатов — это подход, который следует ограничить конкретным и относительно узким историческим периодом, примерно от окончания Гражданской войны в Америке в 1865 году и до конца президентского срока Джимми Картера в 1981 году. В колониальный период и в первые годы существования республики более аморфная территориальная структура страны порождала аналогичную неопределенность в вопросе о статусе и авторитете американского дискурса; аналогичным образом примерно с 1981 года эффекты глобализации изменили конфигурацию базы национальной идентичности США. Идентификация американской литературы с национальной территорией США ограничивается национальным периодом и не может распространяться в той же мере на предшествующие и последующие времена. Поэтому я не пытаюсь просто описать американскую литературу как глобальное явление, так, будто предмет моего исследования может с королевским размахом претендовать на весь мир как на свою законную территорию. Я ставлю перед собой более скромную задачу: проследить отражение исторических изменений в тех постоянно меняющихся способах, которыми американская литература представляла себя на карте в отношении к мировому пространству в последние триста лет.

Мой критический метод включает в себя использование пространственных и временных координат, которые, разумеется, сами по себе являются метафорическими конструкциями. Хотя важно сознавать, что любая граница, проводимая историками и географами во времени или пространстве, неизбежно оказывается в некотором роде произвольной, столь же важно не упускать из виду ту огромную и важную культурную работу, которую способен проделать такой перспективный процесс пересмотра карт. Как заметил Фредрик Джеймисон в своем классическом эссе «Периодизация 60-х», ценность такого рода историзации заключается в возможности выявить структурные аналогии между несопоставимыми на первый взгляд событиями определенных эпох. Эта ориентация благотворна, потому что отделяет нарратив прошлого как от анекдотического самолюбования, так

и от простых сентиментальных форм ностальгии. Их, по словам Джеймисона, сменяет противоположное утверждение: «история есть необходимость», прошлое «должно было происходить именно так, как происходило, и его благоприятные моменты и неудачи были неразрывно переплетены между собой, существуя в рамках объективных ограничений и возможностей в определенной исторической ситуации» [Jameson 1984a: 178]. Арджун Аппадурай аналогичным образом описал идентификацию «изоморфных» отношений между разрозненными точками на сетке координат как способ сопоставить события, которые при других обстоятельствах представлялись бы совершенно не связанными между собой [Appadurai 1996: 182], и тем самым прояснить важные соответствия, которые в ином случае остались бы нераскрытыми. В «Формировании Америки», многолетней попытке представить «географическую перспективу 500-летней истории», Д. В. Мейниг кроит историческую ткань несколько иным образом, описывая «атлантическую Америку 1492–1800 годов», затем «континентальную Америку 1800–1867 годов», «трансконтинентальную Америку 1850–1915 годов» и, наконец, «глобальную Америку 1915–2000 годов». Подобно Мейнигу, до-революционный период я вижу как «бескрайний, лишенный плана, неконтролируемый, нестабильный» ландшафт [Meinig 1986–2004: 205], а XIX век — как время, когда национальная территория обрела твердую форму; хотя Мейниг считает, что глобализация зародилась в зачаточной форме в начале XX века, я настаиваю на более резком разграничении между модернистским и постмодернистским периодами. Ключевой момент, однако, заключается не столько в том, что считать разделяющим принципом или где проходит гипотетическая граница, сколько в том, каким образом географическое представление подсознательно проникает в американские культурные нарративы, вызывая напряженность и встречные потоки, дестабилизирующие воспроизведение самоопределяющегося предмета литературы.

Мое второе теоретическое пояснение, вытекающее из парадокса периодизации, связано с наблюдением Поля Рикёра, предложенного им в книге «Время и рассказ»: у историков культуры нет

иного выбора, кроме как читать время в обратном направлении. Рикёр называет это «ретроспекцией», в противоположность предикции, предсказанию [Рикер 2000: 218]. Такой метод неизбежно предполагает проецирование следствия на причину, а не наоборот. Это означает не только то, что вся история нарративна, но и то, что мы реорганизуем такие нарративы в свете того, что Рикёр называет «перераспределением» и «слиянием» горизонтов [Там же: 95–97], то есть изменяем наш взгляд на прошлое в соответствии с пересмотренными ожиданиями относительно настоящего и будущего. Это, в свою очередь, придает любому историческому перекариванию карт рефлексивное измерение, поскольку ученые неизбежно повторяют формулу, которую Эдгар Аллан По предлагал для написания детективных рассказов и других беллетристических произведений: начать с «развязки», в затем проследить с начала то, что уже было прослежено в обратном направлении¹. Такого рода двойная структурная прошивка — пересмотреть не концы, а начала — недавно проявилась в многочисленных попытках изменить генеалогию американской литературной истории. Сайрус Пателл писал, что изучение современных американских этнических авторов обычно сочетается с ревизионистской критикой литературного канона, так что «восприятие американской культурой текстов прошлого, написанных авторами — представителями меньшинств, влияет на создание и восприятие будущих текстов зарождающихся литературных культур» [Patell 2003: 64]. В качестве примера этого телеологического *mise en abyme*² он приводит голландское этническое наследие, укоренившееся в космополитическом Нью-Йорке как порождение скорее мультикультурной Америки XXI века, чем освященных веками пуританских корней Новой Англии («Новой столицы»). Другими словами, та модель, которую мы приписываем прошлому, неизбежно переплетается и смешивается с проблемами настоящего.

¹ Изложение этой теории см. [Рое 1984: 13].

² «Помещение в бездну» (*фр.*) — рекурсивная художественная техника «рассказа в рассказе», известная также как «принцип матрешки».

Таким образом, это признание неизбежного перспективного уклона институциональных нарративов может послужить демистификации устоявшихся канонических рамок американского литературоведения. В начале XXI века становится все более очевидным, что в нарративах XX века об истории американской культуры, существующих в рамках представлений о национальной судьбе страны, установилась привычка отыскивать явления, кажущиеся предвестниками национального могущества Соединенных Штатов, — могущества, оформленного в гегемонистских терминах лишь относительно недавно. Уже сама категория «ранней республики» — очевидно анахроничный термин, подразумевающий существование более поздней республики, к чему естественным образом привели предшествующие события. Вот почему, например, пуританского поэта Эдварда Тейлора в прошлом веке часто провозглашали предвестником изломанного романтического духа Эмили Дикинсон, а Анну Брэдстрит поднимали на щит в качестве славного предка такие писатели, вошедшие в литературу после 1945 года, как Джон Берриман, ценивший в ней исповедальные мотивы, и Адриенна Рич, подчеркивавшая ее независимый феминистский дух³. Все эти оценки — порождения интересного и творческого подхода к прошлому, однако в историческом плане они очевидно уводят нас в сторону, поскольку имеют тенденцию представлять кальвинистские умолчания Тейлора и куртуазный ренессансный консерватизм Брэдстрит в приукрашенном виде в попытках вписать их в национальный нарратив, проецируемый на прошлое, и тем самым утвердить позиции американской национальной культуры более позднего времени.

Однако существует немного оснований предполагать, что такое ощущение национального триумфа представлялось данностью для самих американцев первой половины XIX века, когда их структуры управления и неуверенные шаги к политическому единству основывались на сомнительной, по мнению многих в то

³ Наиболее систематическая критика этой ретроактивной критической телеологии содержится в исследованиях Шпенгемана.

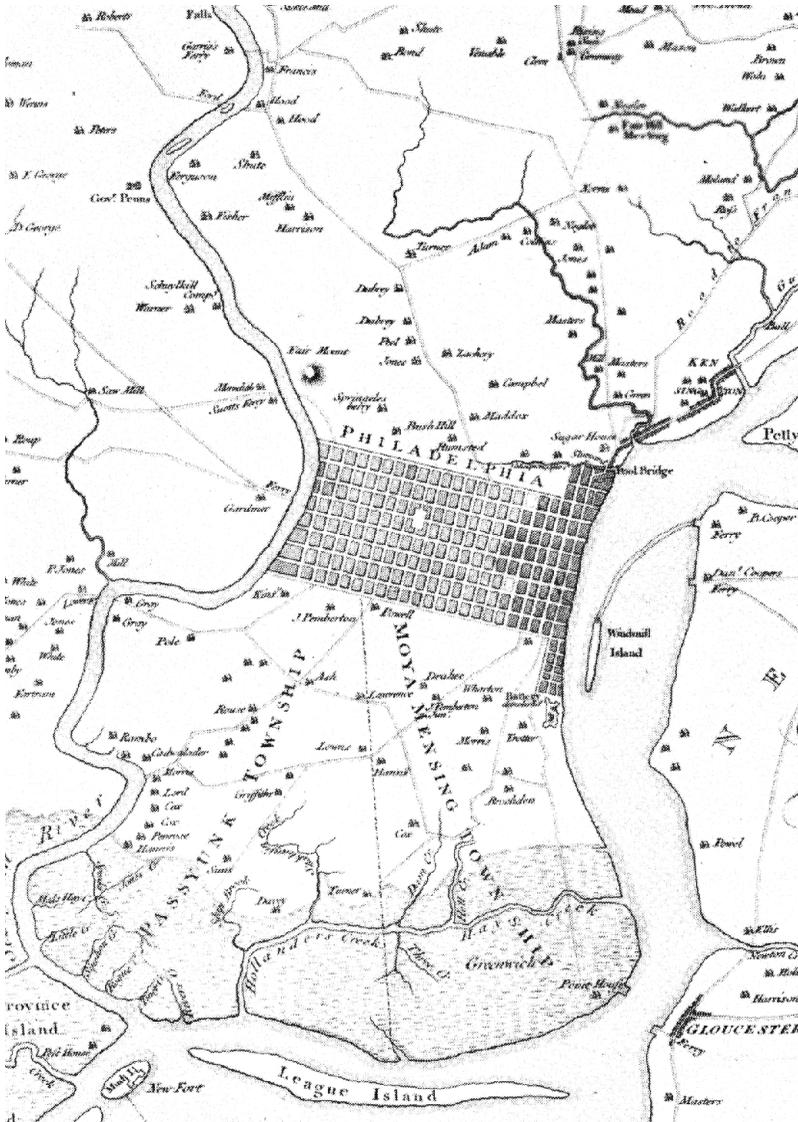

Рис. 1. Фрагмент карты Мэтью Лоттера «План и окрестности Филадельфии» (1777)

время, теоретической гипотезе федеративного союза. В первые шестьдесят лет истории США, последовавших за колониальным периодом, чувство национальной идентичности в стране оставалось столь же зыбким, столь же приблизительным, как и ее картография. Карта Филадельфии, составленная в 1777 году немецким картографом Мэтью Лоттером (рис. 1), симптоматично иллюстрирует разительный контраст между крошечной рациональной системой застройки центра города и расплывающейся, аморфной территорией некартографированных, неупорядоченных сельских районов окружающей Пенсильвании [Boelhower 1988: 495]. Западная часть современных Соединенных Штатов оставалась в еще более недооформленном состоянии: если взглянуть на историческую карту Латинской Америки 1830 года (рис. 2), то можно увидеть, что территории Мексики проходят на ней через территорию современной Калифорнии, Аризоны и Нью-Мексико, и форма самой Америки очень отличается от образа «от моря до сияющего моря», который мы знаем сегодня⁴.

Дело обстоит очень просто: в то время, когда Ральф Уолдо Эмерсон писал в своем эссе 1844 года «Поэт» об Америке как о «поэме, которая пишется у нас на глазах» [Эмерсон 1986: 269], она была именно такова: гипотетическая или воображаемая концепция, или, по крайней мере, еще не достигшая твердого ощущения территориальной заземленности и замкнутости. Националистическая поэзия Уолта Уитмена 1850-х годов также несет в себе умозрительный, оптимистичный подтекст, который часто теряется за бравурным и назидательным тоном его стихов. Энн Бейкер писала о том, как проблемы структурного характера, сопровождавшие аннексию «огромных участков неизведанной территории» [Baker 2006: 1] в XIX веке, вылились в одержимость американских писателей «страхом перед безграничностью и потребностью придать форму пространству» [Ibid.: 27]. Последнее явственно видно в скрупулезных описаниях мира природы Генри Дэвидом Торо, а также в пародийном обращении Германа Мел-

⁴ О неустойчивом характере американского национализма на Западе в начале XIX века см. [Waldstreicher 1997].

вила к «параллелям и меридианам», которые Марди описывает как «воображаемые линии, проведенные вокруг земной поверхности» [Мелвилл 2020а: 9–10]. Все политические инвестиции в идею «перста судьбы» в 1840–1850-х годах, стремление расширяться на запад и заявлять свои права на эту землю от имени звездно-полосатого флага говорят о желании заполнить белые пятна на карте, чтобы подчинить себе континент как в картографическом, так и в военном смысле. Действительно, частые войны США в начале XIX века — с британцами в 1812 году, кульминацией которой стала битва при Новом Орлеане, с мексиканцами в 1840-х годах из-за Техаса и юго-западных территорий, а также с коренными американцами из-за вопроса о переселении индейцев — все они говорят о стремлении переделать карту страны. Это одна из причин, по которым карты сами по себе были так популярны в Америке в то время, как заметил Мартин Брукнер [Bruckner 2006: 140–141], а география стала считаться основным обязательным предметом в американских школах, заняв в учебной программе более престижное место, чем история. Учебник «География в простом изложении», выпущенный «отцом американской географии» Джедедаей Морзе в 1784 году, к 1820 году выдержал двадцать два издания, и в эту довоенную эпоху географические сочинения считались, по словам Брюса А. Харви, «патриотическим жанром» [Harvey 2001: 28]. Повторение географических названий стало столь же привычной в американском образовательном контексте того времени практикой, как заучивание наизусть правил орфографии или таблицы умножения в других странах, что свидетельствовало о новаторской попытке людей присвоить в своем воображении такой пугающе огромный и необустроенный континент.

Таким образом, говорить о территориализирующем импульсе американской культуры начала XIX века — значит предполагать, что ее способ самоидентификации как чего-то отличного от других не обязательно включал в себя простое миметическое отражение местности. Сочинения Ральфа Уолдо Эмерсона традиционно считались истоком национальной идентичности американской литературы — в силу его принципиального упора

Рис. 2. «Латинская Америка в 1830 году». Из книги Патрика Имбера и Мари Куйяр «Дискурсы Нового Света в XIX веке во французской Канаде и Латинской Америке» (1995). Товарный знак: CO4 R1179. Карта с задней обложки. Приводится с разрешения Бодлианской библиотеки Оксфордского университета

на то, что он называет в своем эссе «Природа» (1836) «первоначальным, непосредственным отношением к вселенной». Но на самом деле как в этом эссе, так и в других сочинениях Эмерсона можно найти очень мало описаний природы, и свою непосредственность он выражает не через мимесис, а через интертекстуальность, заимствование символов и идей из классической европейской культуры, которые он поворачивает новой стороной. Таким образом, невесомая легкость эмерсоновской прозы проистекает из того, как он перекраивает карту американской культуры XIX века применительно к классическим памятникам прошлого. Точно так же, как библейские оратории Георга Фридриха Генделя столетней давности помещают эпические мифологии прошлого в радикально обособленную неоклассическую среду — пример того, что Рональд Полсон называет «священной пародией» [Paulson 2003: 214], гордо подчеркивающей разрыв между прошлым и настоящим, — так и Эмерсон в намеренно старомодной манере представляет себя интеллектуальным наследником Платона и Монтеня, подчеркивая, что его творческий замысел включает в себя головокружительную трансформацию одной культуры в другую.

С академической точки зрения, весьма печально, что в критической традиции американского романтизма XX века, теснее всего связанной с Гарольдом Блумом, Эмерсона принято считать институциональным прародителем американской литературы — первоисточником трансцендентализма, прагматизма, Уильяма Джеймса, Уоллеса Стивенса и т. д. — и не принято делать столь же сильный акцент на том, что Эмерсон описывает в своем эссе «Опыт» (1844) как внутренне присущее ему интертекстуальное качество восприятия: «Жизнь — это смена настроений, нанизывающихся друг на друга, как бусинки на цепочку, и, переживая их, мы убеждаемся, что они вроде разноцветных линз: каждая по-своему окрашивает мир и выхватывает в нем то, что ей попадает в фокус» [Эмерсон 1986: 275]. «Опыт» с его «фокусом» на том, что Эмерсон называет достижением «должной сферичности» души, иллюстрирует парадоксальную ситуацию: для жителей Соединенных Штатов в 1840-х годах их страна располагалась

где-то между эмпирическим и абстрактным, между местом и безместностью. Одна из основных идей Эмерсона состоит в том, что само местонахождение всегда относительно и произвольно, что Гёте ему такой же сосед, как и житель ближней улицы, что, как отмечает он в «Поэте», банки и тарифы «скучны скучным людям», однако в действительности они покоятся «на том же фундаменте чуда, что и город Троя, или храм в Дельфах» [Там же: 268]. Иными словами, читать Эмерсона в интертекстуальных терминах — значит детерриторизировать его, извлекать из узкого круга довоенной Новой Англии и рассуждать о его сознательных попытках реконцептуализировать универсализм Просвещения в альтернативной среде Нового Света.

В 1850-х годах в Соединенных Штатах география как таковая все чаще становилась частью риторики «предначертания судьбы». Американское географическое общество было основано в 1851 году, за три года до того, как Арнольд Гюйо, самый влиятельный американский географ своего времени, получил кафедру в Принстоне, которую ему предстояло занимать в течение следующих тридцати лет. Самому Эмерсону принадлежало издание книги Гюйо «Земля и человек» (1851). Замысел автора заключался в разработке теории эволюции полушарий как провиденциальной и таким образом полностью согласующейся с исключительными качествами американской национальной идентичности. «Жизненным принципом» географии, по утверждению Гюйо, следовало считать «взаимный обмен отношениями» между «неорганической природой» и «организованными существами», и, таким образом, физический мир следует рассматривать не как инертный или неодушевленный предмет, а как явление, «организованное для развития человека». Согласно «воле Провидения», утверждал он, «природа и история, земля и человек находятся в теснейших отношениях друг с другом и образуют лишь одну великую гармонию» [Guyot 1850]. Представление Гюйо о симметрии полушарий было частью его нарратива об историческом движении на запад — идеи о том, что центр цивилизации, зародившийся в Азии, теперь перемещается из Европы в Северную Америку. Далее Гюйо в качестве подтверждения культурно-

го превосходства Северной Америки над Южной представляет эту полушарную антитезу как аналогию антитезы, существовавшей в Европе, заключая, что контраст между Севером и Югом, смягченный в умеренных районах метрополии, воспроизводится в Новом Свете, более резко и в увеличенном масштабе: между Северной Америкой с ее умеренным климатом и протестантским населением, стремящимся к прогрессу, и Южной Америкой с ее тропическим климатом и малоподвижным католическим населением [Ibid.]. Нетрудно понять, почему эта версия географически выраженной воли Провидения пришлась особенно по душе Эмерсону в 1850-х годах после войны с Мексикой, аннексии Техаса, вывода британских войск с Тихоокеанского Северо-Запада и присоединения к Америке Орегона. В своем дневнике за 1853 год Эмерсон отмечает, что «Колумб был первым, кто открыл экваториальное течение в океане» [Emerson 1977: 5], а в более поздней дневниковой записи одобрительно цитирует отрывок из «Земли и человека», где Гюйо заявляет: «вне всякого сомнения... воды океана движутся вместе с небесами, то есть по направлению видимого хода солнца и звезд, с востока на запад» [Ibid.: 169].

Кардинально изменила культурный и политический ландшафт США, конечно же, Гражданская война: после ее окончания в 1865 году география страны стала более определенной, что облегчило ее интеграцию в одну политическую территорию. Неудивительно, что ученые, особенно в Соединенных Штатах, вновь и вновь возвращались к Гражданской войне как к поворотному моменту национальной судьбы: несмотря на обозначенные междоусобные региональные и расовые конфликты, исход войны способствовал становлению США как ведущей мировой экономической державы второй половины XIX века. Именно тогда страна начала приобретать ту континентальную форму, которую мы знаем сегодня: Калифорния была принята в Соединенные Штаты в 1850 году, Орегон — в 1859 году, Канзас — в 1861 году, Невада — в 1864 году, Небраска — в 1867 году, Колорадо — в 1876 году, Дакота, Монтана и Вашингтон — в 1889 году, Айдахо — в 1890 году и так далее. Иными словами,

объединение Севера и Юга происходило параллельно с объединением Востока и Запада. Постепенно Америка превратилась из ряда местных экономик во внушительное образование континентального масштаба. Если принять во внимание одновременный рост коммуникаций и технологий, расширение железных дорог на запад, развитие телеграфа и т. д., легко понять, почему к 1900 году Соединенные Штаты могли видеть себя как целостную политическую и экономическую единицу, что было просто невозможно в то время, когда Эмерсон писал свою «Природу» — в 1836 году⁵.

Слияние Соединенных Штатов в культурно и политически единое образование было предсказано во время Гражданской войны Авраамом Линкольном, который в своей Геттисбергской речи (1863) сослался на самовоспроизводящуюся круговую структуру представительства — «правление народное, народом и для народа», — как будто страна была смоделирована вокруг мифа эгалитарной демократии, что, безусловно, было очень далеко от мировоззрения отцов-основателей восьмьюдесятью годами ранее⁶. Неслучайно именно во времена Линкольна Соединенные Штаты начали приобретать форму существительного в единственном числе, а не во множественном, как было принято в первой половине XIX века, — этот переход также иллюстрировал консолидацию нации в единое неделимое государство. Помимо этого, на рубеже XX века понятие земли как носительницы неотъемлемых национальных ценностей стало наделяться аурой сакральности. Например, Флорида и Новый Орлеан в начале XIX века были предметом бойкого торга и обмена, но, как заметил Бенедикт Андерсон, после Гражданской войны идея Соединенных Штатов как национального пространства была настолько мистифицирована, что ни один политик

⁵ О культурном и экономическом развитии США в конце XIX века см. [Trachtenberg 1982].

⁶ Анализ того, почему «демократическое общество XIX века не было тем обществом, которого хотели или ожидали революционные лидеры», см. [Wood 1992b: 365].

отныне и помыслить бы не посмел о том, чтобы погасить государственный долг, просто продав, скажем, Флорида-Кис или южную Калифорнию тому, кто больше заплатит. В этом смысле покупка Америкой Аляски у России за 7,2 миллиона долларов в 1867 году стала последней крупной коммерческой сделкой такого рода, хотя сами Соединенные Штаты в 1917 году купили у Дании за 25 миллионов долларов Виргинские острова — сделка, отчасти мотивированная соображениями безопасности во время Первой мировой войны.

Язык критики в эпоху расцветающего американского национализма, как правило, включал в себя оправдание американской личности, специфических качеств американских ландшафтов и местностей, что мы можем наблюдать в романах Теодора Драйзера, Уильяма Дина Хауэллса и других. Это была также и эпоха мифологии, окружающей остров Эллис, посредством которой иммигранты должны были социально ассимилироваться и гомогенизироваться в американских граждан. Самый высокий показатель иммиграции в США составил 1,3 миллиона человек в 1907 году — за год до того, как Израэл Зангвилл поставил свою пьесу «Плавильный котел», в которой пропагандировался миф об Америке как о стране иммигрантов, при всем критическом отношении к его эффективности. Такого рода двойное видение, одновременно конструирующее и деконструирующее образ Америки как земли обетованной, было характерно для американского модернизма, стремившегося закутаться в риторику нативистской утопии — риторику, которая оставалась фундаментальной основой и базовой структурой для всех последующих метаний и иронических мотивов, пронизывающих разнообразные тексты⁷. Хотя эссе Рэндольфа Борна «Транснациональная Америка», опубликованное в 1916 году, в первом же предложении провозглашает «неудачу плавильного котла» перед лицом «разнообразных националистических чувств» [Bourne 1964: 107]

⁷ О взаимодополняющих аспектах расовой идентичности и о текстовой иронии в американских модернистских нарративах, таких как «Великий Гэтсби», см. [Michaels 1995: 41–42].

среди американских иммигрантов времен Первой мировой войны, предпоследний абзац этого эссе пророчески предвещает новую версию Соединенных Штатов, основанную на большей терпимости к этническому разнообразию. Борн называет ее «будущей Америкой, в которой все могут быть едины, которая неодолимо тянет нас к себе и где мы с большей теплотой готовы понять друг друга» [Bourne 1964: 123].

Таким образом, американская литература конца XIX — начала XX века имеет тенденцию не только подпитываться характерными чертами изображаемой местности, но и видеть в этих чертах гарантию собственной подлинности и патриотического чувства. Последнее явно выражено в полемических эссе Хауэллса в защиту методов реализма. Это область того, что Филип Фишер назвал «неопровержимыми фактами», где отношения между местным и национальным становятся самоаллегорическими в том смысле, что ценность отдельных местностей — Небраски Уиллы Кэсер, Новой Англии Роберта Фроста или Нью-Джерси Уильяма Карлоса Уильямса — подтверждается не их специфическими характеристиками или феноменологическими качествами, а синекдохическим воплощением национального импульса, чувством, что они существуют, по выражению последнего, «в американском зерне». В работе Тома Лутца о литературном космополитизме подчеркивается то, в какой степени региональная литература Америки конца XIX — начала XX века была опосредована внешней перспективой с ее стремлением интегрировать регион и нацию как географические следствия друг друга, как патриотические проявления того, что Хауэллс назвал «нашей децентрализованной литературой» [Lutz 2004: 38]. В эссе Джона Дьюи от 1920 года «Американизм и локализм» «локальность» парадоксально провозглашается «единственным универсальным» аспектом американской национальной идентичности [Dewey 1982: 15], в то время как Керри Тирадо Брамен в «Применении разнообразия» описывает, как акцент на этнических и региональных различиях стал «неприкосновенным признаком национальной исключительности» американской культуры XX века [Bramen 2000: 1]. Прослеживая дискурс материального и пространствен-

ного изобилия до работ Уильяма Джеймса 1909 года о плюрализме, Брамен показывает, как далекий от оппозиции к идентитарной политике Джеймс стал предшественником современных теоретиков, таких как Корнел Уэст, которые еще в 1990-х годах видели в приверженности мультикультурализму символ отличия открытой культуры США от более репрессивных и ограничительных систем других стран [Bramen 2000: 297].

Это движение к интеграции и сближению местных различий в рамках более крупной национальной матрицы усилилось в начале XX века благодаря рационализации методов производства, усовершенствованных Генри Фордом и другими на основе фабричной системы, в которой национальная модель воспроизводилась в каждом штате. Определяющим вопросом в романе Джона Дос Пассоса «США», опубликованном в виде трилогии в 1938 году, является превалирование общих национальных черт над региональными различиями и проникновение промышленной модели массового производства и потребления в каждый уголок Соединенных Штатов. (Название первого тома этой трилогии — «Сорок вторая параллель» — явно отсылает к географической линии широты, проходящей через США с востока на запад.) Все это привело к мощнейшей политической сплоченности и экономическому богатству страны в середине XX века, что позволило ей решительно вмешаться в ход Второй мировой войны и утвердить себя, особенно в Европе, в качестве символа свободной страны, противостоящей зверствам фашизма и убожеству коммунизма.

Именно после Второй мировой войны, в 1951 году, в Соединенных Штатах была основана Ассоциация американских исследований, и примерно в это же время возникло большинство программ американских исследований в Европе. Эти программы продвигали представление об Америке как об образцовой и исключительной стране, маяке как материального возрождения (благодаря ее экономической системе невмешательства государства в бизнес и торговлю), так и культурной современности. Считалось, что эта современность проявляется в стилистическом

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru